

ЛАЛА ГУСЕЙНОВА

К.и.н.,

*заведующая отделом научных исследований и публикаций**Архив Политических Документов**Управления Делами Президента Азербайджанской Республики*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СТРАНАХ ЦВЕ И НАЧАЛО БАРХАТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ (1985-1989)

Açar sözlər: siyasi transformasiya, məxmər inqilablar, MŞA ölkələri, avtoritar, rejimlərinin dağılması

Ключевые слова: политическая трансформация, бархатные революции, страны ЦВЕ, перестройка, слом авторитарных режимов

Key words: political transformation, velvet revolutions, CEE countries, perestroika, collapse of authoritarian regimes

Воспользовавшись чередой смены руководства СССР в середине 1980-х гг., администрация США решила на реализацию военно-стратегического превосходства НАТО над Варшавским договором и повела наступление на «реальный социализм» по всему фронту, причём практически все страны социалистического содружества уже находились в предкризисной ситуации, в основном по экономическим причинам. Отчёты молодых дипломатов-выпускников МГИМО, работающих в советских посольствах в социалистических странах, не отражали правды жизни и напоминали парадные религии.

Советские лидеры не хотели принимать реальных процессов, протекавших в социалистических странах, отвергали любые предложения модернизации сложившихся политических и социально-экономических структур. Кремлёвская геронтократия уже не могла отречься от стереотипов и догм при решении задач социалистического строительства. Формализм и заорганизованность царили внутри СССР и вовне. Борцы-одиночки вроде первого заместителя председателя Совета Министров СССР Г.А. Алиева уже не могли сломить окостеневший панцирь модели социализма по-советски, и становились изгоями.

Профессор Ю.С.Новопашин выделял целый букет «уровней» (компонентов) кризиса: этнический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный. Нелишне напомнить, что это закономерный результат вырождения старой тоталитарной государственной системы. Интересующий нас политический уровень кризиса – процесс неизбежного в условиях коммунистической диктатуры снижения «качества» властных решений, когда борьба номенклатуры за свои привилегии, самосохранение выдвигается на первый план и все принципиальные проблемы внутренней политики – будь то в области экономики, национальных отношений или культурного строительства – оказываются подчинены полицейским проблемам.

Активной политики по отношению к указанному региону в перестроечные годы у Советского Союза не было. «Доктрина Брежнева» сводилась к коллективной ответственности стран региона за судьбу социализма, что давало возможность СССР беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела стран ЦВЕ. Советское руководство

во главе с М.Горбачёвым, отказалось от патерналистических отношений, предпочтя принцип невмешательства во внутренние дела социалистических стран. М.С.Горбачёв продекларировал отказ от «доктрины Брежнева» ещё на встрече генеральных и первых секретарей ЦК соответствующих партий в дни похорон К.У.Черненко, затем в своей записке, посвященной вопросам взаимоотношений с «братскими странами», и, наконец, в своей речи на «социалистическом саммите» по проблемам экономического сотрудничества в ноябре 1986 г. Но за правильными словами о том, что в этой области назрели и перезрели принципиальные перемены, адекватных практических мер не последовало.

На встрече 8 июля 1989 г. «в узком составе» лидеров коммунистических и рабочих партий стран Варшавского Договора в Бухаресте М.С.Горбачёв подчёркивал, что назрел переход от складывавшегося десятилетиями международного порядка к другому: «И каким будет этот другой порядок, во многом зависит от процессов развития социалистических стран». (1)

Разумеется, приходилось считаться с громадной инерцией прежней патерналистической модели отношений, которую команда Горбачёва так и не преодолела. Буквально до конца своих полномочий для всех членов этой команды оставалось доминирующим такое понимание равенства в межгосударственном взаимодействии, согласно которому всё-таки СССР *primus inter pares*, т.е. первый среди равных.

Эти политические и идеологические претензии на лидерство, быть может, и могли бы в то время ещё кем-то восприниматься, если бы горбачёвская команда оказалась способной на быстрые, неординарные, действительно лидерские шаги: во-первых, касавшиеся намерений вывести советские войска из Восточной Европы; во-вторых, решительно переоценить существо событий в ГДР в июне 1953 г., венгерских 1956 г., чехословацких 1968 г.; в-третьих, войти в контакт с представителями наиболее влиятельных неформальных общественных объединений типа Хартии-77 в ЧССР, движения «Солидарность» в Польше и т.д. Но ничего этого не было сделано. Мало того, отказ от вмешательства в дела стран ЦВЕ и ослабление сотрудничества с ними подстегнуло волну демократических революций. Бывший заведующий отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами В.А. Медведев в своей книге пишет: «Горбачёвский новый курс открыл шлагбаум для перемен в других странах. Главное препятствие – охранительно-консервативная позиция Советского Союза – было устранено». (7,379)

До самого начала революционных событий в ноябре 1989 г. отношение Москвы к своим социалистическим союзникам не претерпело особых «перестроечных» новаций, продолжало оставаться пренебрежительным. Однако, революции всё изменили: партнёрами советских властей в Восточной Европе оказались антикоммунисты, для которых КПСС и вся государственная машина СССР – никакие и ни в чём лидеры, а экспансионисты и оккупанты, служители подрывной марксистско-ленинской утопии. Но мосты ещё не были сожжены. 24 ноября 1989 г. в Москве состоялась встреча М.С.Горбачёва с премьер-министром Польши Т.Мазовецким, представителем победившей в стране антикоммунистической оппозиции. Мазовецкий заявил: «Хотел бы вновь подтвердить, то, что я заявлял уже в сейме: Польша и впредь намерена соблюдать свои союзнические обязательства, в том числе и по Варшавскому договору и в СЭВ». (4)

В беседе М.С.Горбачёва с В. Гавелом 26 февраля 1990 г. прозвучало следующее мнение президента Чехословакии: «Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского Договора и НАТО. Таким образом, был бы решён вопрос и о Варшавском пакте...Словом, надо поставить точку под Второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР».(4) И здесь феноменальная бюрократическая медлительность советских инстанций обернулась для СССР очевидным ущербом – массовым ростом антисоветских настроений. В одном из тогдашних официальных заявлений министра иностранных дел ЧСФР Иржи Динсбира это нашло отражение в следующих словах: «Советский Союз признал ошибочным своё решение от 21 августа 1968 г. уже после того, как мы сами освободились от тоталитарной власти. Если бы такое признание было сделано раньше, мы бы смогли также раньше устранить дискредитировавший себя неосталинский режим, и в результате наши народы относились бы с большей симпатией к Советскому Союзу... Нашу новую свободу и демократию нам никто не даровал. Это имеет очень важное значение для самосознания наших народов».(3,63)

Новые, некоммунистические власти восточноевропейских стран сразу же заявили об отношениях с СССР как равноправных, т.е. поставили вопрос о выводе советских войск со своих территорий, осудили советское вооружённое вмешательство прошлых десятилетий в их внутренние дела, отвергли какие-либо претензии на советское (российское) политическое или идейное лидерство в Восточной Европе и т.д. Отказ сначала Венгрии, а затем и других советских партнёров по Варшавскому пакту от военно-политического сотрудничества с СССР внутри этого пакта или же в рамках двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, конечно, ударил по самолюбию партийного и советского руководства, и это подтолкнуло команду Горбачёва к тому, чтобы «сделать паузу», уклониться в к. 80-нач.90-х гг. от разработки и проведения в жизнь по-настоящему новой политики в отношении восточноевропейского региона. Суть подобного «уклонения» Горбачёв выразил в следующих словах: «Правильно «мы» сделали, что перестали обращать внимание на своих бывших союзников. Пусть сами разберутся, хотят или не хотят они иметь дело с нами, нужно им это или не нужно. А мы обойдёмся!»(11,166) Ю.С. Новопашин в своей работе отмечал, что гарантированное невмешательство СССР «явилось необходимым условием победы революций, хотя М.С.Горбачёв и его соратники преследовали явно другую цель. Ведь именно такая позиция СССР коренным образом изменила соотношение сил в странах региона, радикализировала антикоммунистическую оппозицию и придала массовому протесту весомость решающего фактора».(9,112)

Наряду с многосторонним сотрудничеством, больше внимания было уделено двусторонним отношениям СССР с европейскими социалистическими странами. Более регулярный характер стали носить контакты на уровне политического руководства между партийными, государственными органами, общественными организациями.

Так, "план В.Ярузельского" предусматривал комплекс мер по сокращению вооружений и укреплению доверия в Центральной Европе, план Генерального секретаря ЦК КПЧ М.Якеша был направлен на создание вдоль линии соприкосновения государств Варшавского Договора и НАТО зоны доверия, сотрудничества и

добрососедских отношений, предложения ГДР и ЧССР, а также Румынии и Болгарии о создании безъядерных зон и зон, свободных от химического оружия в различных районах Европы.(10,121)

Но так продолжалось недолго. Постепенно будни перестройки стали встречать непонимание и неприятие у лидеров социалистических стран. Президент США Дж. Буш считал, что Горбачёв не понимает действительного положения, сложившегося в Восточной Европе.(5,168)

«Старший брат» проигнорировал предложение Н.Чаушеску провести встречу первых лиц коммунистических партий для обсуждения проблем экономического и научно-технического сотрудничества. Видимо, М. Горбачёв лелеял какие-то планы, о которых не хотел информировать «друзей». Одна за другой страны Восточной Европы стали отворачиваться от него, возлагая всё больше надежд на Запад. Всё реже звучал тезис о приоритете советско-восточноевропейских отношений во внешней политике СССР.

В проведении внешней политики началась целая полоса грубейших ошибок и просчётов. Ликвидация Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи прошла как-то незаметно. ОВД и СЭВ действовали 36 и 42 года и решение об их роспуске должно было приниматься высшими законодательными органами стран-участниц этих организаций с предварительной проработкой во всех заинтересованных структурах. У многих вызвало недоумение то обстоятельство, что на совещании ПКК Варшавского Договора в Праге 1 июля 1991 г. все страны, кроме СССР, были представлены на высшем уровне. А ведь там подписывался Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного 14 мая 1955 г., и Протокола о продлении срока действия указанного Договора от 26 апреля 1985 г. Вызывало недоумение, почему Горбачёв не принял участие в этом важном совещании, а заодно не встретился и не побеседовал с высшими руководителями стран Восточной Европы, как это всегда было раньше. (10,125-126)

Страны ЦВЕ всегда находились в фокусе внимания внешней политики США. В годы второго срока президентства Р.Рейгана (1986-1989), идея национальной безопасности США напрямую связывалась с необходимостью распространения демократии во всём мире.(2,18) А для «распространения демократии» в ЦВЕ как нельзя лучше способствовала позиция, занятая лидерами СССР и политика перестройки. С 1986 г. заместитель госсекретаря Дж. Уайтхед лично занялся выработкой восточноевропейского курса США, для чего сформировал аналитическую группу из специалистов высокого класса. В течение двух лет он четыре раза объехал все государства ОВД, оказывая давление на их лидеров, которым предлагалось следовать американским фундаментальным принципам демократии, американским стандартам и образу жизни. Здесь пригодилась лидирующая роль США в международных финансовых институтах – Международном валютном фонде (МВФ), Международном банке реконструкции и развития (МБРР), к которым восточноевропейские страны обратились с запросом о предоставлении им экономической и финансовой помощи.(2,20-21) Объём внешнего долга восточноевропейских стран за период с 1972 по 1989 гг. вырос с 8 до 85 млрд. долларов.

Для США в новой политической ситуации открылась реальная возможность постоянно направлять происходившие перемены в восточноевропейских странах в соответствии с американскими государственными интересами, не вызывая при этом

откровенно негативной реакции СССР. Успешной реализации стратегии «распространения демократии», кроме того, способствовал постоянно углублявшийся кризис экономики в восточноевропейских странах, который делал их зависимыми от позиции и помощи США.

Отсутствие в ЦВЕ развитой рыночной инфраструктуры, привязка к советскому рынку и отсутствие соответствующей правовой базы составляли серьёзную проблему на пути рыночных преобразований. Естественно, что прагматичные США предпочли «выборочный (селективный) подход к наиболее продвинутым странам».(6,58) По обоюдному согласию сформировалась т.н. «Вышеградская группа», в состав которой вошли Польша, Венгрия и Чехословакия. Инициатива её учреждения в 1989-1990 гг. имела очевидную политическую окраску: речь шла об объединении группы более развитых стран ЦВЕ, которое позволило бы им в короткие сроки ввести в действие общеевропейские механизмы в таких сферах, как укрепление безопасности и стабильности, координировать действия по налаживанию связей с ЕС и НАТО, а также вырабатывать согласованные позиции в отношении СССР, СЭВ и ОВД (пока они существовали).(12,425)

Выявление и анализ причин краха социализма в странах ЦВЕ указывает на большое значение внешнего фактора, т.е. влияние Советского Союза и США с его союзниками. Но истинные причины следует скорее искать внутри социалистической системы.

На конец 1980-х годов тоталитарные режимы в Восточной Европе исчерпали свои возможности для прогресса общества. Первыми симптомами кризиса стали ухудшение экономической ситуации и появление новых социальных проблем. Появились черты, не присущие тоталитарному социализму - безработица, инфляция, падение жизненного уровня, начали исчезать то, что раньше ассоциировалось с "завоеваниями социализма" - стабильность, твёрдые цены. Тоталитарная система исчерпала последние аргументы в свою защиту. Массовое недовольство существующими порядками делало неэффективной прежнюю систему контроля над общественным сознанием, без которой тоталитарное общество не может существовать.

Начавшиеся в СССР перемены в начале минимально отразились на восточноевропейских странах. Перестройка способствовала усилению влияния реформаторских элементов в коммунистических партиях. Восточноевропейские коммунисты с сомнением наблюдали за демократическими реформами в СССР, опасаясь следовать советскому примеру. Особенно настороженно на «перестройку» реагировали в ГДР, Румынии и Болгарии, где сложились режимы авторитарной власти партийных лидеров.

Придя к выводу о «нерентабельности» сохранения зоны влияния в Восточной Европе, советское руководство перестало считать себя ответственным за сохранение у власти в восточноевропейских странах коммунистических правительств.

В течение 1989-1991 гг. мир стал свидетелем уникального явления: прокатившись по странам Центральной и Восточной Европы, лавина революционных преобразований в мирное время стала причиной распада советского блока. Рухнули, сложившиеся в этом регионе за послевоенные десятилетия, авторитарно-бюрократические режимы. Кризис тоталитарного режима в странах региона оказался общим. События развивались не только с громадной быстротой, но и отличались радикальностью результатов. Они втянули в свою орбиту Польшу и Венгрию, ГДР и

Чехословакию, Болгарию и Румынию. Если же учесть, что и Югославия также вступила в полосу революционных перемен, то процессами общественного обновления оказались охвачены 7 стран с общим населением около 140 миллионов человек. По своему характеру революции в ЦВЕ были демократическими и антитоталитарными. Кроме Румынии и Югославии, смена власти состоялась мирным путём. Поэтому эти революции стали называться «бархатными революциями».

Движущие силы революций 1989 г. складывались из многих факторов: политических, экономических, социальных. За 45 послевоенных лет многое изменилось. Вырос удельный вес средних слоёв, а также лиц занятых в инфраструктуре. Как следствие этих изменений сложилось общество с совершенно иным социально-политическим обликом, чем полвека тому назад. И во всех социальных слоях общества недовольство, накопившееся за годы господства авторитарно-бюрократических режимов, подошло к опасной взрывной черте. В его основе лежали кризисные явления экономики, тоталитарное отчуждение практически всех слоёв (исключая правящий) от власти и от собственности (хотя последнее и не было столь тотальным, как в СССР).

«Бархатные» революции во всех восточноевропейских странах прошли практически одновременно, несмотря на разный уровень развития стран, разный уровень общественных противоречий и, самое главное, разную силу их лидеров. Они были проведены по сходному сценарию в тот год, когда в ходе активных переговоров Горбачёва и США была в принципе решена судьба СССР.

Правящей верхушке восточноевропейских стран не было никакого смысла оказывать сопротивление «бархатным революциям», поскольку исход их был решён заранее. Однако, даже с учётом этого очевидного факта по настоянию советского руководства была проведена замена первых лиц в политической системе этих стран. Попытка отвергнуть предложение такого компромисса, которую оказал Чаушеску, была строго наказана.

Как верно отметил В. Мусатов, «вместо революций «сверху», как это предполагалось Горбачёвым, в Восточной Европе прокатилась волна революций, инициированных снизу, оппозиционными силами».(8,120) Везде прошли массовые демонстрации. Революции были делом народных масс. В то же время успех этих революций вряд ли правомерно относить на счёт одних только стихийных выступлений. В них присутствовала и определённая организация.

Основным лозунгом народных масс в ходе революционных выступлений были требования демократии и ликвидации монополий правящих компартий на власть как ядра авторитарно-бюрократических режимов. И эта задача была в основном решена. Власть перешла из рук партийно-государственного исполнительного аппарата в руки представительных органов управления, а формы такого перехода в каждой стране очень разнообразны. В Польше, Венгрии, Чехословакии средоточием новой власти стали парламенты, что сопровождалось бурным ростом альтернативных политических организаций, созданием внеконституционных структур гражданского общества, которые стали гарантами необратимости происшедших перемен.

Почти во всех странах указанного региона события разворачивались с приходом к власти сторонников "обновления социализма" в компартиях (Польша, Венгрия, Болгария). Сторонники "обновления" на первых же демократических выборах получили большинство на волне критики тоталитаризма, коммунизма и коммунистических партий. Придя к власти, они осуществляли реформы, в политической сфере

провозглашались плюрализм и многопартийность. Во внешней политике утвердился курс на радикальную переориентацию на Запад, ликвидацию СЭВ и ОВД (1991 г.), вывод советских войск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Горбачёв-Фонда. Ф.1.Оп.1. Встреча в «узком составе» руководителей братских партий-членов Варшавского Договора. 08.07.1989.
2. Белевцева С.Н. Восточноевропейская стратегия США в конце 1980-х годов.// Новая и новейшая история. 2002. № 6.
3. Даньшина В.Н. Радикальные перемены в общественно-политической и экономической жизни Чехословакии. / Революционные преобразования в странах Восточной Европы. Причины и следствия. М., 1990. Ч.2.
4. Задорожнюк Э.Г. Революции 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности Центральной Европы. / Революция 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы. Взгляд через десятилетие. М., Наука, 2001.
5. Иванов Р.Ф. Крушение организации Варшавского Договора и Советского Союза. Американская версия.// Новая и новейшая история. 2000. № 1.
6. Кобринская И.Я. Политика США в Центральной и Восточной Европе.// США и Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 2.
7. Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., Международные отношения, 1994.
8. Мусатов В. Политика Горбачёва в отношении социалистических стран (1985-1991). // Обозреватель-Observer. 2007. № 7.
9. Новопашин Ю.С. Восточноевропейские революции 1989 г.: проблемы изучения./ Революция 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы. Взгляд через десятилетие. М., Наука, 2001.
10. Поклад Б.И. Проблемы социалистического содружества в годы горбачёвской перестройки.// Новая и новейшая история. 2006. № 4.
11. Черняев А. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., ТЕРРА Республика, 1997.
12. Языкова А.А. Региональные организации центра, Востока и Юго-Востока Европы.// Европа: вчера, сегодня, завтра. М., Экономика, 2002.

LALƏ HÜSEYNOVA

t.e.n.

*Azərbaycan Respublikası Prezidentinin
İşlər İdarəsinin Siyasi Sənədlər Arxivinin
Elmi araşdırmalar və nəşr şöbəsinin müdiri*

MƏRKƏZİ ŞƏRQI AVROPA ÖLKƏLƏRİNDƏ SIYASI TRANSFORMASIYALAR VƏ MƏXMƏR İNQILABLARIN BAŞLANMASI

MŞA ölkələrində Avtoritar rejimlərin dağılması onun əsas dayacağı olan SSRİ-də sosializmin aşınması və iflası prosesindən başlamışdı. 1980-ci illərin ikinci yarısında SSRİ-də baş verən proseslər Mərkəzi Şərqi Avropanın sosialist ölkələrində də öz əks-sədasını verdi. Bu proses M.Qorbaçovun «yenidənqurma» siyasəti şəraitində başlandı. 1980-ci illərin axırı-1990-

cı illərin əvvəllərində SSRİ-də və Mərkəzi Şərqi Avropa ölkələrində sosializm iflası uğradı. Sosializm bir sistem kimi çökdü. Onlar hakim olan marksizm-leninizm ideologiyasından xilas oldular. Siyasi plüralizm və vətəndaşlıq cəmiyyəti ənənələrini bərpa etməyə başladılar. SSRİ-də, Mərkəzi Şərqi Avropa ölkələrində kommunist rejimlərinin süqutu ilə sosializm birliyi dağıldı. 1991-ci ilin iyununda (30) QİYŞ-in fəaliyyətinə xitam verildi. 1991-ci il iyulunda (1) isə Varşava müqaviləsi təşkilatı ləğv olundu.

LALA HUSEYNOVA

*Ph.D, The Administrative Department of
the President of Azerbaijan Republic
Archive of Political Documents
Head of the Scientific Researches
And Publishing Department*

POLITICAL TRANSFORMATIONS IN CENTRAL EAST EUROPEAN COUNTRIES AND BEGINNING OF VELVET REVOLUTIONS

Although several Eastern bloc countries had attempted some abortive, limited economic and political reform since the 1950s, the advent of reform-minded Soviet leader Mikhail Gorbachev in 1985 signaled the trend toward greater liberalization. Gorbachev urged his Central and South-East European counterparts to imitate perestroika and glasnost in their own countries. However, while reformists in Hungary and Poland were emboldened by the force of liberalization spreading from East to West, other Eastern bloc countries remained openly skeptical and demonstrated aversion to reform. Past experiences had demonstrated that although reform in the Soviet Union was manageable, the pressure for change in Central and South-East Europe had the potential to become uncontrollable.

Rəyçilər: t.e.n.A.Musayev, t.e.d.M.B.Fətəliyev

Bakı Dövlət Universitetinin "Avropa və Amerika ölkələrinin yeni və müasir tarixi" kafedrasının 11 fevral 2014-cü il tarixli iclasının qərarı ilə çapa məsləhət görülmüşdür (protokol№ 5).